

Глава 412: Сердца людей

В империи репутация Чемберленов Зависимостей давно испортилась.

Чемберлен Зависимости отвечал за прием посетителей из других королевств и занимался вопросами этикета. Ему нужно было только общаться с Сыном Небес и не очень много взаимодействовать с аристократией, великими кланами или обычными людьми.

Таким образом, Чемберлен Зависимости был довольно предвзятым относительно зарубежных стран.

Ван Чуну не показалось странным, когда здесь появился Чемберлен Зависимости.

Прямо когда заговорила Хуан Цянь-эр, толпа стала беспокойной. Плотные ряды внезапно расступились, как волна, когда несколько охранников на практике вытащили забрызганные кровью тела человека и лошади.

Они оставили длинную и кровавую полосу крови за собой.

Кровавый запах, широко открытые глаза этого человека, открытый рот и большая дыра, пробившая его грудь, выглядели несколько невыносимо для Хуан Цянь-эр, и она быстро отвела взгляд.

«Это имперский солдат!»

Рядом с ней Ван Чун также был довольно мрачным.

В своей последней жизни он действительно слышал об этом инциденте в северном районе столицы, но слышать об этом, и, увидеть это своими глазами, - были две совершенно разные вещи.

Этот молодой императорский солдат умер от рук тибетца, но на самом деле это был Чемберлен Зависимых, у которого была кровь на руках.

«Эти ублюдки Чемберлены Зависимых - их действительно нужно вытащить и накормить ими собак!»

«Они защищают этих иностранцев, куда бы те ни отправились! С ними нужно расплатиться!»

«Хмф, шпионы в Великом Танае, вероятно, все в Чемберлене Зависимостей!»

«Это множество ублюдков знает только, как использовать свои связи, чтобы запугивать людей столицы. Поскольку они так любят иностранцев, просто отправьте их за границу!»

.....

Толпа снова взволновалась при виде этого кровавого трупа.

«Ха-ха-ха, принц, ты слышал это? Ты слышал? Ты еще не начал сражаться, и эти люди Великого Тана уже суетятся».

Во внутреннем круге тренировочной площадки мускулистая фигура тибетского великого генерала Дусуна Мангпоэ слушала проклятия от окружающей толпы с ухмылкой на губах.

Это положение полностью было результатом действий Первого принца. Такой вид конкуренции, который был равнозначен ссоре между детьми, был полностью под властью ДуСуна Мангпоэ.

Хотя он не хвалил такое поведение, у него также не было возражений. Теперь, однако, Дусун Мангпоэ нашел это довольно забавным.

Они явно убили кого-то, кого-то из Великого Тана, но в результате Великий Тан разделился на две стороны и начал спорить сам с собой.

Первый принц, верхом на светло-коричневой лошади, с гордостью сказал: «Хе-хе, как ты думаешь, лорд Дусун? Мое предложение неплохое, верно? Я долго говорил, что наша деятельность может быть пугающей, но Безвредной, а ведь я был неправ, это совсем не страшно. Нынешний Великий Тан - не Великий Тан прошлого... Они больше не имеют права быть нашими противниками!»

Эти слова были произнесены полностью на тибетском языке.

«Первый принц, ты не должен становиться слишком неосторожным», - предупредил Дусун Мангпоэ. «На Центральных равнинах есть высказывание, что изможденный верблюд по-прежнему больше лошади, и сороконожка может умереть, но она никогда не упадет. Великий Тан действительно не тот, каким он когда-то был, но он все еще не может быть недооцененным».

Он все же принял разумный подход к Великому Тану, но должен был признать, что Великий Тан не тот, который он видел в свои последние два посещения. Уже не было той могущественной и доблестной империи войны, которая внушала страх всем, кто смотрел на нее.

Она уже потеряла свой крайне энергичный драйв!

Первый принц захныкал и сказал: «Великий генерал, расслабься, я знаю, что я должен делать. После сегодняшнего дня мы покинем Великий Тан и вернемся в Империю. Через три месяца мы можем сообщить о результаты нашей миссии!»

Дусун Мангпоэ кивнул, а затем повернулся к тибетскому всаднику, стоящему рядом с ним. Всадник ударил по спине лошади, а затем поскакал в оцепление вокруг площадки.

«Жители Центральной Равнины, слушайте хорошо! Первый принц говорит, что ваши специалисты из Центральной равнины не могут принять ни единого удара! Но не говорите, что мы, тибетцы, смотрим на вас свысока. Есть ли еще кто-нибудь? Кто среди молодого поколения Центральной равнины сможет продержаться один бой? Первый принц дает вам еще один шанс! Если никто не ответит, первый принц уйдет!»

На этот раз тибетский всадник не говорил на тибетском языке, но кричал на языке Центральной равнины.

Хотя его голос был несколько жестким, а его тон был довольно странным, каждый мог понять его слова.

Бесстрашный голос этого тибетца снова вызвал гнев толпы. Всегда Великий Тан подавлял других. Никогда не было тибетцев, издевавшихся над ними у их порога, так агрессивно в столице.

Несколько человек уже топали ногами в ярости.

«Бороться! Все идут и сражаются!»

«Есть ли какой-нибудь грозный эксперт? Поторопитесь и выпустите его!»

.....

Люди в толпе стали оглядываться. Несколько отпрысков с необычайной силой мгновенно вырвались вперед, но как только они собирались выйти, их сразу же оттеснили люди из их кланов.

«Ты сумасшедший! Это первый принц У-Цана! Что, если ты на самом деле его ранишь? Чемберлен Зависимостей прост в обращении, но если ты повредишь этого Первого принца и вызовешь войну между У-Цаном и Великим Таном, ты можешь взять на себя такую ответственность? Сможет ли клан взять ее? Ублюдок, ты планируешь принести бедствие клану ради своих личных желаний?»

Этот резкий голос мгновенно охлаждал буйное настроение. Мощные отпрыски из толпы сразу остановились.

Ван Чун стоял скраю толпы. Его уши слушали, и его глаза смотрели, и в его глазах мелькала волна беспокойства.

Первый принц У-Цана не мог поколебать основы Великого Тана, и смерть эксперта Императорской армии не была серьезной травмой империи. Говорить откровенно, политика Чемберлена Зависимостей о «лести врагу» также недостаточна для того, чтобы повлиять на Великий Тан на войне или изменить исход битвы.

Это были все мелочи в столице, которые не имели никакого значения для государства.

Ван Чун больше беспокоился о другом: сердца людей!

Когда человек был ранен саблей или мечом, кровь текла, и травма быстро становилась видимой. Но было невозможно увидеть раны, нанесенные сердцам людей.

«Лед три фута толщиной не образуется за один день холода». Крах империи не был однодневным делом. Когда что-то бродит, всегда появятся тонкие знаки.

И сердца людей были ключом ко всем этим знамениям.

Люди Чемберлена Зависимых понятия не имели, какие удары они наносили в сердца людей империи приказами, которые издавали. Эти зрители перед ними понятия не имели, какие удары они навлекли на сердца людей империи своим опасением.

Только через много лет после того, как инцидент прошел, и люди оглянутся назад, все вдруг поймут, что этот инцидент причинил самые тяжелые раны в их сердцах.

Никто никогда нахально не убивал и не ранил так много людей в таком важном месте, как столица, и успешно ушел.

И в Центральной Равнине, под ногами Сына Небесного, никто никогда не мог победить Его народ!

Конечно, это было не так, что иностранцы, или Ху никогда раньше не вызвали проблем в столице, но это был первый случай, когда Ху, иностранец, сделал вызов в Центральных равнинах и получил полную и подавляющую победу!

Это было абсолютное унижение Великого Тана!

Люди Великого Тана были горды и тщеславны, что еще больше усугубило этот сердечный удар.

Хотя нужно было также учитывать, что первый принц У-Цана злоупотреблял своей личностью, и в этом инциденте был замешан Чемберлен Зависимостей, как только новости об этом инциденте распространятся вокруг, те люди, которые слышали об этом, не узнают об этих факторах.

Они только узнают, что в месте, прямо под ногами Сына Небесного, где собрались герои и гении Великого Тана, никто не смог победить тибетца.

Сердцам людей был нанесен критический удар.

В сочетании со следующими поражениями в битвах, некогда гордые, уверенные и достойные люди Великого Тана будут сбиты на землю. Им не хватало уверенности, они становились кроткими и даже начинали сомневаться в своих способностях.

Когда сердца людей были потеряны, тогда империя и рухнула по настоящему.

Ван Чун почувствовал глубокую боль в своем сердце.

У Ван Чуна были глубокие рассуждения об этом, потому он и перешел на дело с тибетским инцидентом, а не к вопросу Пятого принца.

Ван Чун уже начал подозревать что-то, когда узнал о дипломатической миссии У-Цана. Доклады Старого Орла только доказывали его предположения.

Ван Чун, сидя на своей лошади, вдруг спросил: «Старый Орел, мой доспех готов?»

«Готов.»

«Старый Орел» кивнул и торжественно сказал: «Следуя указаниям молодого Мастера, я уже побывал в клане Чжан».

Ван Чун слегка кивнул с довольным взглядом.

Спустя несколько месяцев эта массивная дверь из глубоководного Металла Сюань, которую он нашел на базе Железных Плащей, наконец-то была доставлена в столицу и передана на территорию клана Чжан.

Столичный Клан Чжан отнесся к этой металлической двери металла Сюань от семи до восьми тысяч цзинь с большой важностью. При транспортировке двери они отправили старейшин

клана, чтобы охранять караван.

Когда она прибыла на их клановую территорию, они собрали всех элитных кузнецов среди старейшин клана, чтобы работать с дверью.

Даже патриарх клана Чжан принял в этом участие.

Стратегический ресурс, такой как глобоководный Металл Сюань, не был второстепенным делом, и Ван Чун даже понял, что эта дверь от семи до восьми тысяч цзинь обеспечила достаточное количество металла, чтобы создать от семидесяти до восьмидесяти комплектов брони из глобоководного Металла Сюань.

Такие объекты будут играть критически важную роль в любом королевстве, и к ним нельзя было относиться легко. Если бы не Ван Чун, клан Чжан не имел бы права касаться такого объекта.

Таким образом, легко представить себе важность, которую клан Чжан придавал этому вопросу.

Патриарх клана Чжан лично контролировал каждый шаг изготовления доспехов Ван Чуна. Ван Чун говорил ему, что достаточно обычного доспеха.

Но патриарх клана Чжан послал письмо, в котором говорилось, что он будет использовать лучших кузнецов, а затем найдет лучших мастеров надписей, чтобы добавить лучшие закалочные надписи к доспехам. Они создали самый сложный доспех для Ван Чуна, чтобы выразить уважение, которое клан Чжан испытывал в отношении Ван Чуна.

Ван Чун изначально собирался отказаться, но, подумав, решил согласиться. Честно говоря, Ван Чун с нетерпением хотел взглянуть на этот доспех.

<http://tl.rulate.ru/book/3937/495896>